

О хантыйском компоненте в этническом составе северных селькупов

О. Б. Степанова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
stepanova67@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена поиску хантыйского компонента в этническом составе северных селькупов. Рассматривается территориальная группа селькупов Верхней Тольки, в формировании которой, как предполагается, наиболее активно участвовали ханты.

Цель статьи: выявить хантыйскую составляющую в этнической истории северных селькупов.

Материалы исследования: полевые материалы автора, данные научной литературы и архивных источников.

Результаты и научная новизна. Был сделан вывод о том, что хантыйский компонент в этническом составе селькупов определяется главным образом контактами селькупов Верхней Тольки с их родственниками с притоков р. Вах, ассимилированных хантами. Некоторые группы селькупов жили на Вахе до XVII в., другие пришли на его притоки в период XVII–XIX вв., когда через Вах пролегал основной путь селькупского переселения со Средней Оби на Таз и Турухан. Селькупы, не ушедшие с Ваха на север, подверглись ассимиляции теснящими их хантами. Группе селькупов, оказавшейся в результате переселения в верховьях р. Толька, несмотря на сильное хантыйское влияние, которое она испытывала со стороны смешавшихся с хантами ваховских родственников, удалось сохранить свою селькупскую идентичность. Расстояние в 400 км., разделявшее Верхнюю Тольку с Вахом, снижало степень этого влияния, а административные и экономические факторы повышали: с. Ларьяк на Вахе долгое время, вплоть до 1957 г. было для верхнетолькинцев центром, которому они подчинялись и откуда получали снабжение. Изучением хантыйского компонента в этническом составе селькупов до сих пор никто из учёных не занимался, чем определяется новизна исследования.

Ключевые слова: селькупы, ханты, этническая история, этнический состав, ассимиляция

Для цитирования: Степанова О. Б. О хантыйском компоненте в составе северных селькупов // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 560–569.

About the Khanty component in the ethnic composition of the Northern Selkup people

O. B. Stepanova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russian Federation,
stepanova67@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the search for the Khanty component in the ethnic composition of the Northern Selkup people (Selcups). The territorial group of the Upper Tolka Selkups is considered. As it is assumed, the Khanty people actively participated in its formation.

Objective: to reveal the Khanty component in the ethnic history of the Northern Selkups.

Research materials: the author's field materials, data from scientific literature and archival sources.

Results and novelty of the research: it was concluded that the Khanty component in the ethnic composition of the Selkups is determined mainly by the contacts of the Upper Tolka Selkups with their relatives from the tributaries of the Vakh River assimilated by the Khanty people. Some groups of the Selkups lived on the Vakh River until the XVII century, and others came to its tributaries during the XVII–XIX centuries, when the main way of Selkup migration from the Middle Ob River to the Taz and Turukhan ran through the Vakh. The Selkups, who did not leave the Vakh River to the north, were assimilated by the Khanty people. A group of the Selkups who found themselves as a result of resettlement in the upper reaches of the Tolka River, despite the strong Khanty influence, could preserve their Selkup identity. The distance of 400 km separating the Upper Tolka River from the Vakh River reduced the degree of this influence, and administrative and economic factors increased it: the village of Laryak on the Vakh for a long time, until 1957, was for the center for residents of the Upper Tolka River. They obeyed this center and received supplies from it. The novelty of the study lies in the fact that until now scientists have not studied the Khanty component in the ethnic composition of the Selkups.

Key words: Selkup people, Khanty people, ethnic history, ethnic composition, assimilation

For citation: Stepanova O. B. About the Khanty component in the ethnic composition of the Northern Selkup people // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 560–569.

Введение

Ханты – юго-западные соседи северных селькупов, проживающих в Красноселькупском и Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа. Селькупское население левых притоков Верхнего Таза – рек Тольки, Каральки, Покольки и Ратты – издавна имело культурные и брачно-родственные контакты с хантыйским населением реки Вах, правого притока Средней Оби, административно относящимся к Нижневартовскому району Ханты-Мансийского автономного округа. Со второй половины XVIII в. поддержанию контактов способствовали поездки жителей Верхнего Таза в расположенное на Вахе русское село Ларьяк, где работали магазины и продавались товары мануфактурного производства. В советский период, с конца 1950-х гг., интенсивность связей стала падать, что объяснялось в первую очередь появлением и развитием на данной территории других центров снабжения и администрирования.

В этой, обычной на первый взгляд, картине контактов двух соседних народов присутствует неопределённость степени хантыйского участия в формировании группы селькупского населения верховьев Тольки, что является научной проблемой, требующей изучения. В настоящее время селькупы верхнетолькинской территориальной группы, проживающие в пос. Толька (73 чел), г. Тарко-Сале и пос. Халясавэй, образуют селькупское сообщество Пуровского района численностью 590 человек¹. Они однозначно идентифицируют себя селькупам, говорят на селькупском языке и в большинстве своём носят фамилию Кунины [ПМА 3]. Однако 60 лет назад верхнетолькинцы, числясь ещё в полном составе жителями пос. (Верхняя) Толька, «писались» хантами. По архивным данным, в 1965 г. в Тольке проживало 255 хантов и 2 селькупа. Через пять лет, в 1970 г., эта пропорция резко изменилась: в посёлке «появилось» 190 селькупов и «осталось» 70 хантов, к 1975 г. число селькупов и хантов выросло до 210 и 73 чел. соответственно².

Объяснить эти метаморфозы с национальностью верхнетолькинцев можно было бы ошибкой, которую допустили ответственные административные лица при определении их этнической принадлежности (спутать хантов и селькупов было несложно, так как до 1930-х гг. их одинаково называли остяками), и исправлением этой ошибки после её выявления. Однако есть данные, говорящие о том, что не всё так просто в этом вопросе, и в нём нужно тщательно разбираться.

Например, у многих Куниных до сих пор нет твёрдой уверенности в том, что они всегда были селькупам. По свидетельству толькинцев возраста 60+, поколение их родителей говорило одновременно на селькупском и хантыйском языках. Некоторые информанты упоминают, что они и их сородичи «раньше были хантами» или «произошли от хантов», но при этом рассказывают о своих детях, чистейшим селькупским языком которых восхищались приезжавшие сюда московские лингвисты. В похозяйственных книгах 1950-х гг. посёлка Сидоровск, что располагался на правом берегу Среднего Таза, за многие сотни километров от верховьев Тольки, автор нашла Алексея Кунина 1900 г. р. Его внучка, проживающая в пос. Красноселькуп, сообщила, что её дед был единственным Куниным в том районе и всю жизнь считал себя хантом рода *лаңай* – рода язевых людей [ПМА 3: Сморгунова]. При этом в похозяйственных книгах он был записан селькупом. Добавляет противоречивости в данные по вопросу этнического происхождения толькинцев публикация В. Н. Кулемзина и Е. Н. Сязи «Колдуны, ворожеи, волшебники и шаманы» [6], где авторы рассказывают о толькинском ворожее, которого они посетили в 1969 г. В ворожее, как его представили авторы, не было ничего селькупского, он идентифицировал себя хантом, говорил на хантыйском языке и в рассказах о своём «ремесле» делал отсылки к хантыйским божествам, отличным от селькупских.

¹ Данные о численности пуровских селькупов взяты из «Отчёта о социально-экономическом развитии муниципального округа Пуровский район за 1й квартал 2022 г.» [8]. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. посёлок Толька, вокруг которого тогда дислоцировалась группа верхнетолькинцев, закрывали, а его жителей переселяли в посёлки Тарко-Сале (районный центр), Халясавэй и Быстринка. Впоследствии, в 1996 г., когда посёлок снова «открыли», многие селькупы туда вернулись, но вскоре у толькинцев начался обратный процесс – постепенного переезда в районный центр уже по собственному желанию. По сведениям Управления по делам коренных малочисленных народов Севера Пуровского района, на 1 января 2013 г., когда численность пуровских селькупов достигала 495 человек, в посёлках Толька, Халясавэй, деревне Харампур и городе Тарко-Сале проживали 74, 98, 34 и 290 человек селькупов соответственно [ПМА 1]. Из общего числа пуровских селькупов к верхнетолькинцам не относятся селькупы Агичевы, приписанные к Харампuru и частично проживающие на оз. Часельском, они имеют отличное от толькинских происхождение, и редкие селькупы, приехавшие на работу в Тарко-Сале из пос. Красноселькуп Красноселькупского района. В пос. Быстринка в последние два десятилетия селькупское население появляется лишь на время рыболовного сезона [ПМА 1, 3].

² Динамику численности населения с. Толька в 1965–2005 гг. предоставила автору тюменская коллега Е. А. Волжанина, получившая их в Комитете государственной статистики Тюменской области (см. таблицу).

Динамика численности населения с. Толька, 1965–2005 гг.¹

Год	Число хоз-в	В них населения		Число хоз-в кмнс	В них населения		национальность									
		чел.	%		чел.	%	русские		ненцы		ханты		селькупы		прочие	
							чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
01.01. 1965	65	273	100	Нет сведений	260	95,2	8	3,0	3	3,0	255	93,4	2	0,7	5	1,8
1967	48	271	100	Нет сведений	269	99,2	2	0,7	4	1,5	250	92,2	15	5,5	-	-
1970	56	278	100	46	262	94,2	13	4,6	2	0,7	70	25,2	190	68,3	3	1,0
1972	59	298	100	48	279	93,6	16	5,4	2	0,7	72	24,2	205	68,8	3	1,0
1975	67	308	100	54	287	93,2	16	5,2	4	1,3	73	23,7	210	68,2	5	1,6
1977	63	217	100	54	198	91,2	15	7,0	3	1,4	31	14,3	164	75,6	4	1,8
1980	62	184	100	Нет сведений	177	96,2	7	3,8	-	-	26	14,1	150	81,5	1	0,5
1983	38	162	100	Нет сведений	155	95,6	3	1,8	-	-	100	61,7	55	34,0	4	2,5
1985	19	51	100	17	49	96,1	2	4,0	-	-	22	43,1	27	53,0	-	-
1987	14	36	100	13	34	94,4	2	5,5	-	-	16	44,4	18	50,0	-	-
1990	5	7	100	5	7	100	-	-	4	57,1	-	-	3	42,8	-	-
1993	7	18	100	7	18	100	-	-	10	55,5	-	-	8	44,4	-	-
1995	7	19	100	7	19	100	-	-	11	58,8	8	42,1	-	-	-	-
1996	7	19	100	7	19	100	-	-	11	57,8	8	42,1	-	-	-	-
1997	7	23	100	7	19	82,6	-	-	11	47,8	8	34,8	-	-	4	17,4
1998	22	128	100	22	128	100	-	-	-	-	45	35,2	83	64,8	-	-
1999	15	128	100	15	128	100	-	-	11	8,6	45	35,2	72	56,2	-	-
2000	15	128	100	15	128	100	-	-	11	8,6	45	35,2	72	56,2	-	-
2001	15	128	100	15	128	100	-	-	11	8,6	45	35,2	72	56,2	-	-
2002	15	128	100	15	128	100	-	-	11	8,6	45	35,2	72	56,2	-	-
2003	42	164	100	32	128	78,0	26	15,8	11	6,7	45	27,4	72	44,0	10	6,0
2004	42	164	100	32	128	78,0	26	15,8	11	6,7	45	27,4	72	44,0	10	6,0
2005	31	107	100	31	106	99,1	-	-	-	-	28	26,1	78	72,8	1	0,9

Таким образом, в исследовании ставится задача – изучить этническую историю толькинцев и выявить хантыйскую составляющую в формировании этнической группы северных селькупов. Вопрос устранения путаницы и обоснования национальной принадлежности населения посёлка Толька актуален для этнической самоидентификации² современных толькинцев и северных селькупов в целом. Он также имеет значение для администрации и жителей всего Ямало-Ненецкого автономного округа, так как дополняет этническую историю региона и вносит ясность в исторические карты расселения народов.

К изучению проблемы межэтнических контактов хантов и селькупов привлекались научные труды Б. О. Долгих [4], М. Б. Шатилова [14],

В. Н. Скалона [12; 13], Е. Д. Прокофьевой [11], Г. И. Пелих [10], И. Н. Гемуева [3], В. И. Васильева [2], С. В. Миронычева и Л. В. Алексеевой [7] и др., изыскания краеведа В. В. Патрановой [9]. Из работ этих авторов были почерпнуты сведения об этногенезе селькупов, заселении реки Вах в разные исторические периоды, связях Ваха с населением притоков Таза, «магнате тундры» Ефиме Кунине и т. д.

Материалы и методы

Помимо опубликованных трудов написание статьи опиралось на архивные (см. табл.) источники и полевые материалы автора, привезённые из экспедиций 2015, 2021, 2022 и др. годов к селькупам Верхней Тольки, Верхнего Таза и г. Тарко-Сале.

¹ Источники: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 3975, Д. 6090. Д. 6982, Д. 7493, Д. 8943, 10281; Оп. 2. Д. 2960, Д. 4156, Д. 849. Д. 1739; Оп. 4. Д. 84. Д. 146. Комитет государственной статистики Тюменской области.

² Проблема поиска народами Севера новых форм этничности широко освещена в научной литературе последних лет [15; 16; 17; 18; 19].

При подготовке статьи использовался метод исторической ретроспективы, анализ, обобщение и комплексный подход. В рамках сбора полевых данных применялся методологический прием интервьюирования информантов. Полученные у информантов сведения позволили сформулировать проблему исследования и участвовали в формировании доказательной базы работы.

Результаты

Во время экспедиции автора в 2022 г., проходившей в посёлке (Верхняя) Толька, от информантов было записано два сообщения, касающихся обозначения локальных групп селькупов, к которым причисляют себя жители посёлка. В первом сообщении шла речь о (само)названии одной такой группы, отличающем её от других селькупских локальных групп: «Селькупы Нижней Тольки называют нас *лаяхум*. *Хум* – человек, *лая* – рыба, просто вся рыба». Второе сообщение прозвучало в рассказе информанта о шамане рода Куниных: «Наш шаман из рода Журавлиных. Мы рода Журавля, и вся деревня почти рода Журавля» [ПМА 3: Сметанина, Кунина]. От этих двух свидетельств можно оттолкнуться, чтобы, обратившись к этнической истории селькупов, попытаться прояснить происхождение толькинцев.

По данным Г. Пелих, ещё до XVII в. у селькупов сформировалось диалектно-локальное образование *сельгула*, давшее впоследствии название всему народу. Оно включало в себя три локальные группы селькупов. Первой из них были *лаакупы* или *лангакупы*, что в переводе означает ‘язевые люди’, также их называли *ларьяками* [10, 25]. Можно с большой долей уверенности считать, что самоназвание *лаяхум* жителей (Верхней) Тольки является вариантом названия *лаакупов*. По сведениям И. Гемуева, название этой группы звучало как *ланай-кумы*, *ланаль-кумы* или *ларьятцы* [3, 126]. Г. Пелих отмечает, что термин *ларьяк* (по-хантыйски – ‘люди заливных лугов’) является хантыйской огласовкой старинного селькупского понятия, которое входит в состав исконно-селькупских этнонимов и антропонимов (волость Ларпицкая в Нарымском Приобье, князцы Ляркумовы и т. д.). Информанты соотносят данный термин со словом *ло* ‘дьявол, леший, водяной черт, главный хозяин’

[10, 28]. В XVII в. владения *ларьяков* имели вид широкой дуги, один конец которой упирался в р. Васюган (у истоков Ларьегана), второй – в р. Вах (у с. Ларьяк) [4, 82; 10, 27; 14, 43, 45, 48–50].

Второй группой *сельгула* были *лонкупы* (*лонпукольцы*) – ‘гусиные люди’, ‘гуси перевальных речек’. Ареал исконного расселения *лонкупов* совпадал с границами трёх поздних Лонпукольских инородческих волостей. Сюда входил отрезок Оби от Криволицка/Назино до Александрова и ваховское побережье, приблизительно до р. Мётгыгеган, левого притока Ваха. По сведениям Г. И. Пелих, население Александровского Приобья часто называло *лонпукольцев* толькинцами, определяя начало их земель «после Соснового Бора», посёлка, который расположен в верховьях р. Сабун, правого притока Ваха [10, 29–30].

Третьей группой, входящей в состав *сельгула* (и представленной в современном поселке Толька), были *каралькупы* (*караконцы*) – ‘журавлиные люди’, от *кара* ‘журавль’. Первоначально *каралькупы* жили на землях обского правобережья между Калгуяком и Криволицком: Каракольская волость XVII в. находилась на Оби [10, 30–31].

В 1598 г. московское войско служилых людей разгромило Пегую орду¹, что укрепило русские правительственные позиции в Среднем Приобье. Одновременно с русскими на восток стали продвигаться ханты. Под нажимом русских и хантов начался исход селькупов разных групп на север – на Таз и Турухан, переселение происходило волнами и длилось с XVII по XIX вв.

Ушедшие на север отдельные группы *сельгула* впоследствии фиксировались: *лаакупы* – на Тазе (от устья р. Тольки и ниже), Сургутихе и Турухане (Кусамины, Кунины; в 1925 г. 58 остяко-самоедов Турухана назвали себя официально ларьяками); *лонкупы* – на р. В. Баихе (притоке Турухана) и Б. Ширте (правом притоке Верхнего Таза) [10, 29–30]. *Караконцы* расселились по Тазу очень широко – значительная часть нынешних тазовско-туруханских селькупов считает себя их потомками. На какое-то время они задерживались на Вахе: русская документация соответственно отмечала появление Караконской волости сначала на Оби, потом на Вахе (в конце XIX в.) и, наконец, на Тазе [10, 31]. Таким образом, можно предположить, что группа

¹ Крупное военно-потестарное объединение, во главе которого стоял князь Воня.

верхнетолькинцев сформировалась в результате смешения всех трёх групп селькупов *сельгула* при их перемещении на север. Не ушедшие с Ваха селькупы подверглись здесь хантыйской ассимиляции.

Возможно также, что ещё одно селькупское образование оставило свой след в заселении Ваха и, не исключено, верховьев Тольки – племя *сургутов* или *соргула* / *сэргула*, жившее в конце XVI в. по берегам Оби между устьями рек Ваха и Иртыша (к северу от сельгула). В центре расселения *сургутов* в 1594 г. русские начали строить Сургутский острог, который должен был стать опорным пунктом для борьбы с Пегой ордой. После поражения Пегой орды *соргула* частично ушли вверх по Оби, частично на Таз, Турухан и левые притоки Енисея: во всех этих местах в XX в. фиксировались селькупы, относящие себя к *сургутам* [10, 11–22; 14, 35–36]. Связь *соргула* с верхнетолькинскими селькупками обнаруживается в упоминании в источниках проживающей рядом с Сургутом некой «кунной самоеды» и присутствии в окрестностях Сургута топонима «юрты Кунины» [10, 19]. Можно допустить, что эти сведения являются самой ранней сохранившейся информацией о фамилии Куниных, широко представленной сегодня среди верхнетолькинских селькупов.

Кроме названных селькупских групп через Вах на Таз переселялись тымские селькупы, о чём свидетельствует появление на Тазу в XVII в. Тымской волости [4, 79], впоследствии объединённой вместе с Караконской в Тымско-Караконскую волость. Е. Прокофьева считает, что группа тазовских селькупов в основной своей массе была образована селькупками, ушедшими с Тыма, и находит среди тымских и тазовских селькупов «журавлиных людей». Доказательством того, что, переселяясь с Тыма на север, на Вахе задерживались роды Журавля и Ворона, для Е. Прокофьевой служат селькупские названия притоков вершины Ваха – Каралькы-ёган ‘Журавлиная река’, Куль-ёган ‘Воронья река’ [11, 92].

Таким образом, в состав образовавшихся в результате селькупского переселения групп верхнетолькинцев и впоследствии ассимилированных хантами ваховских селькупов могли войти селькупы *сельгула*, *сургуты* и ушедшие с Тыма «журавлиные люди».

Селькупское прошлое Ваха подтверждается селькупскими топонимами, которые выявляются на протяжении всего его течения, к ним

относятся: р. Полька, р. Нюролька, р. Калкы-ёган, оз. Мичто, реки Малый и Большой Магты-ёган, р. Ланкысы-ёган, оз. Локонто, р. Локонто-ёган, оз. Куйнето, р. Куйнето-ёган [10, 24]. Последовательность слов в названиях некоторых рек из данного ряда топонимов говорит о том, что селькупы были первыми поселенцами на этой территории, а пришедшие позже ханты приняли эти названия целиком и присоединили к нему своё обозначение реки – «ёган» [11, 92].

Заселение хантами Ваха не всегда происходило мирным путём, военные столкновения хантов с селькупками отражены в фольклоре обоих народов [14, 43–44]. Ассимиляции способствовали также межнациональные браки, которые заключались как добровольно, так и путём женитьбы на пленницах. У хантов, вытеснивших селькупов с ваховских земель, долго сохранялось в памяти, что они на этой территории были пришельцами.

Говоря о межнациональных отношениях на Вахе, нужно иметь в виду, что в 1760 г. в среднем течении Ваха появилось русское село Ларьяк, первоначально в нём было 10 домов. В Ларьяке устраивалась ярмарка, на которую приезжали остяко-самоеды Верхнего Таза.

Теперь обратимся к этнической истории Тольки и Ваха более позднего времени. По данным И. Гемуева, группа селькупов-*лариатцев* занимала в XIX – начале XX в. территорию верхний Ваха и его притоков – рек Сабуна, Куль-ёгана, Каралькы-ёгана, верхнюю часть бассейна р. Тольки и район Чёртовых озёр. Она представляла собой собственно две группы – верхнетолькинских селькупов и селькупов-жителей ваховских притоков. Селькупы Тольки и Ваха считали себя единым целым и поддерживали между собой связь. Группа на Вахе оказалась в большей степени «охантыченной» – в 1921 г. из всех аборигенов бассейна Ваха остяко-самоедами (селькупками) себя считали лишь 58 чел. [3, 126–127].

Примечательно, что К. Доннер, проехавший с Таза на Вах зимой 1913 г., через Верховья р. Покольки по притоку Ваха р. Колынигол, встретил на своём пути лишь хантов, которых он отличал от селькупов по языку и некоторым элементам культуры [5, 104–106].

По данным В. Н. Скалона, в 1925 г. был образован Прасинский Родовой Совет Ваховского Туз. Рика. Территориально в него входил бассейн реки Тольки от её верховьев до системы озёр Лозыль-то, несмотря на то, что от Ваха его отделяло 300–400 км ненаселённых тундр [12, 130]. С 1928 г. Совет подчинялся Александровскому

райсовету Томского округа Западно-Сибирского края. В декабре 1930 г. Толькинский сельсовет вошёл в число сельсоветов образованного в составе Остяко-Вогульского национального округа Уральской области¹ Ларьякского района с центром в селе Ларьяк. К Толькинскому сельсовету относились ещё Пуринские и Сабунские юрты (названные по рекам, на которых были расположены). В составе Ларьякского района Толькинский сельсовет оставался до мая 1957 г., после чего был передан в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Административное подчинение и его изменения оставили определённый отпечаток на этнической истории края.

В статистических данных по национальному составу Ларьякского района в 1933–1945 гг. остяко-самоеды (селькупы) вообще не упоминаются [7]. То есть переписчики не обнаружили в районе никаких селькупов (даже толькинских) – все они, по-видимому, были «записаны» хантами. Вероятно, в данном случае всё-таки имеет место ошибка ведущих статистический учёт служащих, неспособных различать хантов и селькупов, и не попытавшихся разобраться в тонкостях этнического происхождения отдельных групп населения района. Допустим, что ваховские селькупы к тому времени были уже окончательно ассимилированы хантами, но у проживающих вдалеке от Ваха толькинцев не было причин потерять свою селькупскую идентичность. Скорее всего, переписчики полагали, что, раз ваховские родственники толькинских жителей являются хантами, то и толькинцы должны быть хантами тоже. Относительно тотально ассимилированных ваховских селькупов тоже нужно сделать уточнения. Вряд ли они совсем бесследно растворились в хантах. Во время полевой работы автор записала рассказ селькупки, которая в начале 2000-х гг. училась в Санкт-Петербурге с девушкой-ханты с Ваха: по словам девушки, её отец был *нерьях* – так ханты называли селькупов, и «среди хантов было много смешанных с селькупками» [ПМА 2: Федорова].

Сведения о национальной принадлежности толькинских и ваховских остяков в период первого пятнадцатилетия советской власти содержатся в материалах В. Скалона и В. Патрановой,

посвящённых Ефиму Кунину² – «магнату тундры» Верхнего Таза. Ефим Кунин вошёл в историю Верхнего Таза и Ваха как самый богатый в тех краях человек и кулак, одним из первых репрессированный советской властью. Местом рождения и кочевья Кунина был район Верхней Тольки. Богатство Кунина состояло из оленьих стад, в которых содержалось, по разным подсчётам, от 800 до 1000 голов оленей, часть из которых он сдавал в аренду. В хозяйстве Кунина работали батраки из числа родственников. В среде соплеменников Кунин пользовался непререкаемым авторитетом, несколько раз подряд они избирали его родовым старостой (князьцом). Кунин был главным поставщиком «мягкого золота» на ярмарке в Ларьяке, проходящей два раза в год. Он возвращался оттуда с обозом в 20–30 нарт, нагруженных фабричными товарами, которыми потом снабжал родственников [9, 4; 12, 137; 13, 58–59]. «Сам председатель Толькинского туземного совета приходил к Ефиму за советом – где лучше поставить чум школы, где отвести место под лавку... И всё делалось так, как указывал Шатин» [9, 4]. Родственники Кунина, с которыми он поддерживал постоянную связь и которым помогал, кроме Тольки проживали также на р. Сабун, Сабунские юрты были ближе всех к Ларьяку.

В своих статьях В. Скалон называет Кунина и его родственников хантами или остяками, но, тут же, как бы боясь допустить ошибку, замечает, что Шатин «был фигурой поистине межэтнической». Не будучи до конца уверенным в принадлежности Кунина к хантам, В. Скалон также пишет: «Сам остяк, женатый на полурусской метиске, он считается каким-то образом главой и самоедского рода» [13, 61].

В. Скалон предлагает свою версию происхождения населения Верхней Тольки: «По преданию, около полувека (в действительности, вероятно больше) тому назад один ваховский остяк из рода Куниных переселился с сыновьями в верховья реки Тольки. Размножившись за это время и подкреплённые двумя семьями, переселившимися позднее, ваховские остяки заняли весь бассейн реки Тольки от системы озёр Лозлыто, на которой также осело три семейства Куниных. Смешавшись с течением времени с

¹ С 1930 по 1934 гг. Остяко-Вогульский национальный округ входил в Уральскую область, с января 1934 г. – в Обь-Иртышскую, с декабря 1934 г. – в Омскую, с октября 1944 г. – в Тюменскую области. В октябре 1940 г. Остяко-Вогульский национальный округ был переименован в Ханты-Мансийский.

² Другие имена Ефима Кунина – Шата, Шатин, Сатин.

тазовскими остяко-самоедами и не имея живой связи с Вахом, остяки в значительной степени усвоили их язык. Между собой они обычно изъясняются на местном языке, в некоторых семьях ваховский язык потерял значение родного, молодёжь, а в особенности дети, часто не знают ваховского языка совсем»¹ [12, 132].

Представляется, что относительно переселения будущих толькинцев с Ваха В. Скалон прав, тем более, что время, когда это произошло, в его версии остаётся неопределённым. Но в других моментах предположение В. Скалона не выдерживает критики. Кунины не смешались с тазовскими самоедами, поскольку в фамильном составе толькинцев, который сам В. Скалон и сообщает, кроме Куниных нет других селькупских фамилий. В 1929 г., когда он проехал по Ваху и Тазу, в верховьях Тольки проживало 15 семей «ваховских остяков», из которых 12 было рода Куниных, 2 – Каткалевых и 1 – Каминых² [12, 132]. Надо сказать, что к настоящему времени ни перечень толькинских фамилий, ни их пропорция почти не изменились. Согласно спискам проживающих в пос. Толька в 2013 г., полученным автором во время экспедиции 2015 г., от общего числа жителей (110 чел.) Куниных было 70 человек, Каткилевых – 14, Каминых – 3, Прасиных – 5, Чекурминых – 3, прочих, не относящихся к коренным народам Севера – 12 чел. [ПМА 1]. Малочисленные Каткалевы, Каминины и Прасины, чьи фамилии имеют хантыйское происхождение, давно оселькупились. Селькупов Чекурминых среди жителей насчитывается всего 3 человека, и думать, что они обратили в свою национальность всех Куниных, невозможно.

Вторая неточность В. Скалона заключается в выводе о языке: если не было смешения жителей Тольки с тазовскими остяко-самоедами, не могло быть и усвоения их языка. «Местный» язык, на котором, как пишет В. Скалон, изъяснялись толькинцы между собой, и есть их родной язык, остяко-самоедский, селькупский, а усвоенным языком для них является хантыйский или, по В. Скалону, ваховский. Но в принципе, двуязычие – распространённое явление в контактных зонах, где проживает несколько этносов. Автор

часто сталкивалась с двуязычием информантов во время полевой работы в междуречье Таза и Турухана, где попеременно живут селькупы, ненцы и эвенки.

Насчёт отсутствия у толькинцев «живой» связи с Вахом В. Скалон тоже ошибся. Эти связи были прочные и регулярные, о чём говорит то же знание толькинцами хантыйского языка. Связи ещё более упрочились с образованием посёлка Толька, появлением в нём местного органа власти, открытием советского сельхозпредприятия, магазина, школы, ФАП, Красного чума, радиорубки и т. д. – организаций, которые должны были постоянно находиться в контакте с районным административным центром селом Ларьяк. Из Тольки в Ларьяк были проложены широкие «вечные селькупские дороги», не заросшие до сих пор. У автора есть свидетельства информантов, что раньше толькинцы брали себе жён из пос. Сосновый Бор на р. Сабун и наоборот, сосновоборцы ездили за жёнами в Тольку [ПМА 3: Кунина]. На Верхнем Тазу часто произносят фразу «у меня бабушка была ханты». Связи Тольки с Вахом стали сокращаться после 1957 г., когда Толька перешла в подчинение к Пуровскому району. Таким образом, хантыйским элементом в составе селькупов будет хантыйская кровь, приходящая к ним через толькинцев, а также через верхнетазовских селькупов, которые, как и толькинцы, поддерживали брачно-родственные связи с *нерьяхами* с притоков Ваха. Автор располагает сведениями, что до 1990-х гг. селькупы левых притоков Верхнего Таза были частыми гостями у оленеводов деревни Корлики, расположенной на реке Корлики, притоке вершины Ваха. Её селькупское название – *Корыйкы*, оно означает 'Глубокая речка' [ПМА 2: Ириков]. Жители верховий р. Каральки через верховья р. Сабун доезжали на оленях до селения Корлики всего за полдня [1, 130].

Культурное влияние селькупов и хантов друг на друга – тема отдельного исследования, здесь можно только сказать, что оно было значительным, причём в культуре селькупы повлияли на хантов в большей степени, чем ханты на селькупов.

¹ В. И. Васильев, повторяя версию В. Н. Скалона, пишет об ассимиляции селькупами 15-ти семей ваховских хантов, переселившихся в бассейн Тольки [2, 315].

² В. В. Патранова сообщает, что на рубеже 1930-х гг., спасаясь от «твёрдого задания» (повышенных налоговых обязательств, которые власть накладывала на хозяйства, использующие труд батраков), из Туруханской тундры «под крыло Ефима Кунина» сбежали 13 семей кочевников, и он распределял в тайге места для промысла белки между прибывшими, но, как потом оказалось, они уже были отданы местным активистам [9]. Следы этих 13 семей, если только они не носили фамилию Кунины, что маловероятно, опять-таки не прослеживаются в фамильном составе жителей Верхней Тольки.

Причина этого кроется в том, что в состав хантов вошла ассимилированная ими группа селькупов. По замечанию Е. Прокофьевой, весь комплекс культуры ваховских хантов сложился в процессе взаимодействия хантов и селькупов, об этом говорит язык ваховских хантов, некоторые элементы материальной культуры, тип шаманского костюма и бубна, в чём состоит отличие данной группы хантов от других северных хантов [11, 92].

Обсуждение и заключение

Итак, в результате исследования были сделаны следующие выводы. Хантыйский компонент в этническом составе селькупов определяется брачными связями селькупов верховьев р. Тольки и других левых притоков Таза с хантами, а также, и даже в большей степени, с их подвергшимися хантыйской ассимиляции родственниками, проживающими на притоках р. Вах, в

первую очередь на р. Сабун. В разные периоды истории интенсивность этих связей то падала, то возрастала. Считать население Верхней Тольки «наполовину хантами» или селькупами, имеющими хантыйское происхождение – заблуждение, верхнетолькинцы являются селькупами, и всегда ими оставались, что показано в исследовании. С Ваха начинался или через Вах проходил основной маршрут переселения селькупов со Средней Оби в бассейны Таза и Турухана, при переселении часть селькупов осталась на Вахе и была ассимилирована хантами. Родственники ваховских селькупов, дошедшие в продвижении на север до верховьев Тольки, в значительно меньшей степени подверглись хантыйскому влиянию и сохранили свою селькупскую идентичность. Основанием широко распространившегося заблуждения в определении национальности толькинцев служит хантыйский облик их ваховских соплеменников.

Список источников и литературы

1. Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 124–132.
2. Васильев В. И. Селькупы. Основные этапы этнической истории // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 311–317.
3. Гемуев И. Н. Расселение северных селькупов (XIX – 20-е годы XX) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. Всесоюз. конф. (18–21 дек. 1973 г.). Новосибирск: СО АН СССР. Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1973. С. 126–128.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии. Новая серия. М.: АН СССР, 1960. Т. LV. 622 с.
5. Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
6. Кулемзин В. Н., Сязи Е. Н. Колдуны, ворожеи, волшебники и шаманы // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 11–18.
7. Миронычев С. В., Алексеева Л. В. Об изменении национального состава Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945) // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2. С. 51–54.
8. Отчёт о социально-экономическом развитии муниципального округа Пуровский район за 1й квартал 2022 г. URL: <https://puradm.ru/> (дата обращения: 10.05.2023).
9. Патранова В. В. Царь вся тайги // Новости Югры. От 20.01.2001. № 8. С. 4.
10. Пелих Г. И. Селькупы XVII в.: очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. 177 с.
11. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 18. С. 88–107.
12. Скалон В. В тундре верхнего Таза (фактические данные к вопросу о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 129–139.
13. Скалон В. Н. Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 56–62.
14. Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.
15. Berezniy S. V. Inter-ethnic communications and life-sustaining technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham: Springer Nature, 2022. Pp. 347–350.
16. Larsen P. B., Gillbert J. Indigenous Rights and ILO Convention 169: Learning from the Past and Challenging the Future // The International Journal of Human Rights. 2020. Vol. 24. Iss. 2–3. Pp. 83–93.
17. Modern inter-ethnic contacts and ethnic processes in Siberia / T. I. Gerasimenko, B. B. Rodoman, A. I. Chistobaev, E. A. Semenov, A. A. Sokolova, A. V. Lyubichankovskiy // Humans in the Siberian landscapes. Ethnocultural dynamics and interaction with nature and space. Cham: Springer Nature, 2022. Pp. 477–501.
18. Shaping Arctic's tomorrow through indigenous knowledge engagement and knowledge co-production / T. Degai, A. N. Petrov, R. Badhe, P. P. Egede Dahl, N. Döring, S. Dudeck, T. M. Hermann, A. Golovnev, L. Mack, E. M. Omma,

G. B. Retter, G. Saxinger, A. J. M. Scheepstra, V. I. Shadrin, N. Shorty, C. Strawhacker // Sustainability. 2022. Т. 14. № 3. Pp. 2–4.

19. Visual Representations of the Arctic. Imagining Shimmering Worlds in Culture, Literature and Politics / Eds. M. Lehtimäki, A. Rosenholm, V. Strukov. New York: Routledge, 2021. 323 p.

Полевые материалы автора

ПМА 1 – Экспедиция в Пуровский и Красноселькупский районы Тюменской области, 2015 г. (информанты: А. Кунина, 1980 г. р.; А. Кунин, 1952 г. р.).

ПМА 2 – Экспедиция в Красноселькупский район Тюменской области, 2021 г. (информанты: Е. Ириков, 1960 г. р.; М. Федорова, 1956 г. р.).

ПМА 3 – Экспедиция в Пуровский район Тюменской области, 2023 г. (информанты: Р. Сметанина (Кунина), 1980 г. р.; А. Кунина, 1980 г. р.).

References

1. Adaev V. N. *Sel'kupy Verkhnego Taza: mezhkul'turnyye svyazi i puti soobshcheniya s naseleniyem sosednikh rechnykh basseynov v XVIII–XX vv.* [The Selkups of the Upper Taz River: intercultural relations and communication routes with the population of neighboring river basins in the XVIII–XX centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 1, pp. 124–132. (In Russian)

2. Vasilyev V. I. *Sel'kupy. Osnovnyye etapy etnicheskoy istorii* [The Selkups. The main stages of ethnic history]. *Narody Zapadnoy Sibiri. Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia. Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]. Moscow: Nauka Publ., 2005. Pp. 311–317. (In Russian)

3. Gemuev I. N. *Rasseleniye severnykh sel'kupov (XIX v. – 20-ye gody XX v.)* [Settlement of the Northern Selkups (XIX – 20s of the XX centuries)]. *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Tez. dokl. Vsesoyuz. Konf. 18-21 dek. 1973 g.* [Problems of the ethnogenesis of the peoples of Siberia and the Far East. Abstracts of the All-Union Conference, December 18–21, 1973]. Novosibirsk: SO AN SSSR. In-t istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR Publ., 1973. Pp. 126–128. (In Russian)

4. Dolgikh B. O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The generic and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. *Trudy Instituta Etnografii. Novaia seriia* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Moscow: AN USSR Publ., 1960. Vol. 55. 622 p. (In Russian)

5. Donner K. *U samoyedov Sibiri* [Among the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter Publ., 2008. 175 p. (In Russian)

6. Kulemzin V. N., Syazi E. N. *Kolduny, vorozhei, volshebnyki i shamany* [Sorcerers, soothsayers, wizards and shamans]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 1998, no. 266, pp. 11–18. (In Russian)

7. Mironychev S. V., Alekseeva L. V. *Ob izmenenii natsional'nogo sostava Lar'yakskogo rayona Khanty-Mansiyskogo natsional'nogo okruga v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945)* [About the change in the national composition of the Laryaksky District of Khanty-Mansiysk National Okrug during the Second World War (1939–1945)]. *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura* [Northern Region: Science, Education, Culture], 2017, no. 2, pp. 51–54. (In Russian)

8. *Otchet o sotsial'no-ekonomicheskom razvitiy munitsipal'nogo okruga Purovskiy rayon za 1y kvartal 2022 g.* [Report on the socio-economic development of the Municipal Okrug Purovsky District for the 1st quarter of 2022]. Available at: <https://puradm.ru/> (accessed May 10, 2023). (In Russian)

9. Patranova V. V. *Tsar' vseya taygi* [The tsar of all taiga]. *Novosti Yugry* [News of Yugra], January 20, 2001, no. 8, p. 4. (In Russian)

10. Pelikh G. I. *Sel'kupy XVII v.: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [The Selkups of the XVII century: essays on socio-economic history]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye Publ., 1981. 177 p. (In Russian)

11. Prokofyeva E. D. *K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya)* [To the question of the social organization of the Selkups (genus and phratry)]. *Trudy Instituta Etnografii. Novaia seriia* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1952. Vol. 18. Pp. 88–107. (In Russian)

12. Skalon V. N. *V tundre verkhnego Taza* [In the tundra of the Upper Taz River]. *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1930, no. 3, pp. 129–139. (In Russian)

13. Skalon V. N. *Magnaty Severa* [Magnates of the North]. *Okhotnik i rybak Sibiri* [A hunter and a fisherman of Siberia], 1929, no. 2, pp. 57–62. (In Russian)

14. Shatilov M. B. *Vakhovskiy ostyaki: etnograficheskiye ocherki* [The Vakh Ostyak people: ethnographic essays]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandrika Publ., 2000. 288 p. (In Russian)

15. Bereznitsky S. V. *Inter-ethnic communications and life-sustaining technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region.* Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham: Springer Nature, 2022. Pp. 347–350. (In English)

16. Larsen P. B., Gillbert J. Indigenous Rights and ILO Convention 169: Learning from the Past and Challenging the Future. *The International Journal of Human Rights*, 2020, no. 24 (2–3), pp. 83–93. (In English)

17. Gerasimenko T. I., Rodoman B. B., Chistobaev A. I., Semenov E. A., Sokolova A. A., Lyubichankovskiy A. V. *Modern inter-ethnic contacts and ethnic processes in Siberia. Humans in the Siberian landscapes. Ethnocultural dynamics and interaction with nature and space.* Cham: Springer Nature, 2022. Pp. 477–501. (In English)

18. Degai T., Petrov A. N., Badhe R., Egede Dahl P. P., Döring N., Dudeck S., Hermann T. M., Golovnev A., Mack L., Omma E. M., Retter G. B., Saxinger G., Scheepstra A.J.M., Shadrin V. I., Shorty N., Strawhacker C. Shaping Arctic's tomorrow through indigenous knowledge engagement and knowledge co-production. *Sustainability*, 2022, no. 14 (3), pp. 2–4. (In English)

19. *Visual Representations of the Arctic. Imagining Shimmering Worlds in Culture, Literature and Politics.* Lehtimäki M., Rosenholm A., Strukov V. (eds.) New York: Routledge, 2021. 323 p. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *Ekspeditsiya v Purovskiy i Krasnosel'kupskiy rayony Tyumenskoy oblasti 2015 g. (informanty: A. Kunina, 1980 g. r.; A. Kunin, 1952 g. r.)* [Expedition to the Purovsky and Krasnoselkupsky Districts of Tyumen Oblast, 2015 (Informants: A. Kunina, 1980 year of birth; A. Kunin, 1952 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspeditsiya v Krasnosel'kupskiy rayon Tyumenskoy oblasti 2021 g. (Informanty: E. I. Irikov, 1960 g. r.; M. F. Fedorova, 1956 g. r.)* [Expedition to the Krasnoselkupsky District of Tyumen Oblast, 2021 (Informants: E. I. Irikov, 1960 year of birth; M. F. Fyodorova, 1956 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspeditsiya v Purovskiy rayon Tyumenskoy oblasti 2023 g. (Informanty: R. Smetanina (Kunina), 1980 g. r.; A. Kunina, 1980 g. r.)* [Expedition to the Purovsky District of Tyumen Oblast, 2023 (Informants: R. Smetanina (Kunina), 1980 year of birth; A. Kunina, 1980 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Ольга Борисовна, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3), кандидат исторических наук.

stepanova67@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2130-2695

ABOUT THE AUTHOR

Stepanova Olga Borisovna, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Universitetskaya Emb., 3), Candidate of Historical Sciences.

stepanova67@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2130-2695